

ЧАСТЬ III

Глава 10

ПЕТРОГРАДСКОЕ ВОССТАНИЕ

Введение. — Рабочие волнения: причины. — Уличные бои. — Мятеж петроградского гарнизона. — Крушение.

§1. Введение.

23 февраля император вернулся в Ставку, и в течение десяти следующих дней произошло так много чрезвычайных и быстро сменявших друг друга событий, что казалось — они слились в неразрывное целое. Географически, однако, драма была ограничена Петроградом, Ставкой в Могилеве и железнодорожным путем между ними. До первых дней марта остальная часть страны вряд ли знала о происходящем и не принимала никакого участия в революционных событиях. Впечатляющее же проявление народных чувств, поскольку речь идет обо всей России, было скорее следствием, чем причиной существенных перемен, которые в эти дни произошли в ее судьбе. В продолжение всего кризиса между развитием событий в Петрограде и реакцией Ставки был некоторый временной сдвиг. Это вело к нелепости: 27 февраля царь продолжал отдавать приказы своему уже не существующему правительству в Петрограде, а 2 марта генералы разных штабов продолжали вести переговоры с председателем Думы, как будто он еще мог контролировать события, чего на самом деле не было.

Что касается Петрограда, то следует различать две фазы событий: первая — с 23 по 28 февраля. Этот период был отмечен быстро растущей волной забастовок на промышленных окраинах и уличными демонстрациями, главным образом на Знаменской площади, в восточном конце Невского проспекта. Полиция, при довольно вялой поддержке казаков и воинских частей, делала нерешительные попытки разогнать Демонстрантов. Положение обострилось только к ночи 25-го, когда для предупреждения дальнейших демонстраций было решено использовать войска. Жертвы 26-го февраля — главным образом результат уличных столкновений и случайных выстрелов. С наступлением вечера 26-го февраля показалось, что рабочие волнения ослабевают, что вмешательство войск решило исход дела в пользу правительства. Вторая фаза началась, когда правительство решило отложить

февральскую сессию Думы до апреля; центром революционных событий стал Таврический дворец (местопребывание Думы).

Одновременно, но не в прямой связи с отсрочкой сессии Думы, утром 27-го брожение распространилось на войска петроградского гарнизона, что значительно изменило ситуацию. Рабочие волнения и уличные беспорядки власти предвидели, и даже ждали их именно в эти дни. На этот случай существовал детальный план действий, пусть и оказавшийся неудачным. Но против непредвиденного мятежа петроградского гарнизона никакой автоматически вступающей в действие системы контрмер не было. Мятеж гарнизона и реакция Думы на отсрочку сессии явились факторами, превратившими рабочие выступления в революцию.

Только к вечеру 27 февраля депутаты Думы и, независимо от них, комитеты революционных партий в Петрограде осознали, что настало время немедленных политических действий. Всякий выдвигал свой план преодоления кризиса. Планы эти раздувались мыльными пузырями, захватывая воображение толпы и искаженно отражая быстро сменяющие друг друга настроения улицы, чтобы лопнуть один за другим. Фактически царское правительство перестало существовать только в ночь с 27 на 28 февраля, а на следующее утро военный министр Беляев приказал частям, которые сохраняли верность режиму, разойтись по казармам, предварительно сложив оружие в здании Адмиралтейства, их последней боевой позиции. Вакуум, созданный крушением царского правительства, быстро заполнился, но формирование нового правительства произошло при обстоятельствах, которые до сих пор чрезвычайно трудно восстановить.

§ 2. Рабочие волнения: причины.

В забастовке, которая в четверг 23 февраля началась на петроградских заводах, поначалу приняло участие 90 000 человек. На следующий день движение стало шириться. В субботу 28-го бастовало 240 000 рабочих. Сам по себе тот факт, что бастуют рабочие окраины, не нес в себе ничего ни нового, ни зловещего. И все же в этой февральской забастовке было нечто такое, чему нет объяснения и по сей день. Мы даем попытку истолкования этих рабочих волнений, подчеркивая, однако, — независимо от того, сочтут ли наши предположения достаточно вескими или нет, — что некоторые причины забастовок все еще совершенно темны. Допуская, что вся правда нам недоступна, мы не имеем все-таки права прикрывать наше незнание фразами о «стихийном движении» и «чаше терпения рабочих», которая «переполнилась». Эти стереотипы только затемняют суть дела. Невозможно было массовое движение такого

масштаба и размаха без какой-то направляющей силы. Даже опытным в этом деле подпольным революционным комитетам, которые действовали по партийной инструкции, нелегко бывало мобилизовать рабочих и на меньшие выступления, чем в феврале 1917 года. Даже в годовщину Кровавого воскресенья в 1917 году в забастовке приняли участие рабочие 114 предприятий, всего около 137 536 человек, и на улицы они не выходили. К тому же, этот день в промышленных районах Петрограда как бы считался нерабочим, так что не требовалось больших усилий, чтобы организовать забастовку.

Называли две важные причины быстрого роста стачечного движения в последнюю неделю февраля: ухудшения в снабжении хлебом и локаут на Путиловском заводе. Что касается первой причины, то, действительно, были некоторые затруднения в доставке хлеба в булочные в начале недели. Это вызвало панические слухи о нехватке муки, что увеличило спрос на хлеб и рост очередей, а также усилило раздражение. Однако, имеются основательные доказательства, что никакого недостатка в муке не было. Ни разу в продолжение февраля двенадцатидневный запас муки для булочных столицы не падал ниже средней нормы. Главная трудность заключалась в распределении, и она была бы легко преодолена при проявлении доброй воли. Но ее не было.

С некоторых пор между петроградскими городскими властями и правительством шла распря по поводу контроля над продовольственным снабжением. Городские власти, поддерживаемые Союзом городов и Прогрессивным блоком Государственной Думы, настаивали на том, что снабжение продовольствием граждан столицы должно быть в их руках, а министр внутренних дел Протопопов, хотя нужных средств к тому у него не было, хотел взять эту дополнительную ответственность на себя, что вызвало новые нападки на него в печати и в петроградской городской Думе и создало общую атмосферу продовольственного кризиса. Кроме того, слухи о введении хлебных норм больно ударили по народному воображению, тем более, что хлеб является основным продуктом питания в России. Боялись не только того, что хлеба будет мало, что само по себе вызывало протест крестьянина или рабочего, но пугала также мысль, что какое-то начальство сможет контролировать количество хлеба, которое человек отправляет себе в рот. По-видимому, наплыв покупателей в булочные был отчасти вызван стремлением запастись сухарями.

Помимо распри по поводу того, кто будет распоряжаться запасами продовольствия, было еще два других фактора, которые реально могли обусловить недостаток хлеба в булочных и волнения в хлебных очередях. Говорили, что некоторые

булочники, вместо того, чтобы выпекать хлеб из полной отпущенной им нормы муки, отсылали часть муки в провинцию, и там она за хорошие деньги продавалась на черном рынке. Слух о злоупотреблениях заставил генерала Хабалова ввести строгий надзор за булочными. Во-вторых, мы не можем пренебречь возможностью намеренного саботажа со стороны пекарей. Петроградские пекари были объединены в довольно сильную большевистскую фракцию. Во время рабочих волнений зимой 1915–1916 гг. пекарни играли значительную роль в стачечном движении столицы. Об этом свидетельствует письмо, написанное в первых числах марта 1916 года Павлом Будаевым, членом партии большевиков и петербургского профсоюза пекарей, своему другу, тоже пекарю, в Сибирь. Будаев рассказывает об организованной большевиками забастовке булочных на Выборгской стороне: на Рождество 1915 года полиция требовала, чтобы хлеб продавался в первый день святок, но рабочие пекарен два дня не выходили на работу, и хлеб появился в продаже лишь на третий день. 9 января все заводы бастовали, «подхватив инициативу Выборгской стороны»¹.

Хотя жалобы на недостаток муки и хлеба в феврале 1917 года были не слишком обоснованны, тем не менее толпа скандировала лозунг «Хлеба!» и в первые три дня беспорядков он фигурировал на знаменах демонстраций. Этот лозунг устраивал осторожных организаторов уличных демонстраций вроде Шляпникова и, не в пример двум другим лозунгам тех дней — «Долой войну» и «Долой самодержавие», — особенно действовал на войска, вызванные для разгона демонстраций. Они отказывались стрелять в толпу, которая «только хлеба просит».

Помимо слухов о недостатке продуктов, главной причиной рабочих демонстраций в феврале 1917 года часто называют локаут на Путиловском заводе. Обстоятельства, которые повели к подобной же акции в феврале 1916 года, и роль, которую играли в этом деле «ленинцы», были описаны выше². В обоих случаях беспорядки начались в цехе, рабочие которого потребовали непомерного повышения зарплаты. Нашим источником информации о беспорядках 1917 года послужило не полицейское донесение, а запрос, посланный премьер-министру, военному и морскому министрам тридцатью членами Думы, включая трудовиков, А.И. Коновалова и И.Н. Ефремова³. Согласно этому документу, рабочие одного цеха Путиловского завода просили 18 февраля 50% надбавки к зарплате. Знаменательно то обстоятельство, что, выдвигая такое непомерное требование, они предварительно не посоветовались со своими товарищами, работавшими в других цехах. Директор завода наотрез отказал, и тогда рабочие устроили сидячую забастовку. После совещания администрации с представителями рабочих других цехов была обещана надбавка в 20%. Но

одновременно, 21 февраля, дирекция уволила рабочих забастовавшего цеха. Эта репрессивная мера вызвала распространение забастовки на другие цехи, и 22 февраля дирекция объявила о закрытии этих цехов на неопределенное время. Это значило, что тридцать тысяч хорошо организованных рабочих, в большинстве высококвалифицированных, были буквально выброшены на улицу.

Локаут в значительной степени способствовал распространению стачек. Следуя установившейся практике, рабочие ходили от завода к заводу и всеми возможными средствами, включая запугивание, убеждали своих товарищей присоединиться к бастующим. Подоспел как раз ко времени, ибо возбуждение рабочих дошло до предела вследствие слухов о нехватке продуктов, призыв к забастовке, как и призыв требовать резкого повышения заработной платы, действовали безотказно. Возможность затеряться в большой толпе во время забастовок и демонстраций обеспечила широкое поле деятельности агитаторам.

Позднее, в двадцатые годы, советские историки рабочего движения, например, Балабанов, пытались объяснить лавину забастовок в феврале 1917 года завершением долгого процесса накапливания сил и ростом классовой солидарности рабочих. Цель этих историографических построений состоит в том, чтобы доказать, что развитию революционного движения с его борьбой за политические права предшествовали борьба экономическая и рост классового сознания. Реальные события не совсем соответствовали этому образцовому построению марксистской социальной диалектики. Судя по тому, что мы знаем о деятельности подпольных революционных организаций в среде петроградских рабочих, ни одна из них не была готова к планомерному революционному выступлению именно в этот момент. Когда 22 февраля фабричные работницы обсуждали организацию Женского дня 23 февраля, В. Каюров, представитель петербургского комитета большевиков⁴, посоветовал им воздержаться от изолированных Действий и следовать инструкциям парткомитета.

Но каково же было мое удивление и возмущение, когда на другой день, 23 февраля, на экстренном совещании из пяти лиц, в коридоре завода (Эриксон), товарищ Никифор Ильин сообщил о забастовке на некоторых текстильных фабриках и о приходе делегатов-работниц с заявлением о поддержке нами металлистов.

Я был крайне возмущен поведением забастовавших: с одной стороны, — явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем — сам только что ночью призывал работниц к выдержке и дисциплине, и вдруг забастовка. Казалось, нет цели и повода, если не считать особенно

увеличившиеся очереди за хлебом, — которые в сущности и явились толчком к забастовке.

И действительно, в начале 1917 года петроградские большевики не очень-то знали, как отнестись к усилению рабочих волнений. Попытка большевиков развязать гражданскую войну, зафиксированная в выше цитированной листовке петроградского комитета, в феврале 1916 года потерпела неудачу. С тех пор перспективы революции в военное время казались лидерам большевиков сомнительными. Мы видим, что в критические дни, перед взрывом рабочих волнений в конце февраля 1917 года, петроградские большевики вели себя осторожно. Они предостерегали рабочих против частичных и обособленных забастовок, так как это давало фабрикантам и правительству возможность рассеять рабочие массы и подвергало риску успех революции в дальнейшем. Как Милюков и думские либералы, они считали, что самый благоприятный момент для революции наступит сразу после окончания войны. Им потребовалось 48 часов, чтобы понять, что, вопреки их предостережениям, рабочее движение приняло неожиданные размеры, и тогда только они стали призывать к созданию революционного правительства.

Незначительность роли, которую большевики сыграли в революции 1917 года, сама по себе нас не удивляет. За исключением Шляпникова, их руководители в столице были неопытны и не имели авторитета⁵. Это ясно поняли советские историки революции. Только после того, как в начале тридцатых годов была ликвидирована школа Покровского, советская историография стала на ту точку зрения, что мудрость большевиков и безупречность проводившейся ими политики сыграли важную роль в февральских событиях и что роль других, небольшевистских, рабочих и революционных организаций была ничтожна. Не удивительно, что в Советском Союзе оказалось так мало материала о деятельности других революционных организаций Петрограда. Конечно, правые меньшевики не могли претендовать на руководство рабочими. Их организация была связана с рабочей группой военно-промышленного комитета, которая 27 февраля 1917 года оказалась в тюрьме, и очень сомнительно, что Гвоздев так или иначе мог повлиять на взрыв рабочих волнений 23–25 февраля.

Впрочем, в Петрограде была еще одна социал-демократическая организация, деятельность которой очень поверхностно описана советскими историками, а только они и имеют доступ к нужным архивам. Это был так называемый Межрайонный комитет, иначе — Межрайонка, объединение рабочих делегатов от разных промышленных районов столицы. Эта организация стала особенно активна во время

войны, одно время она возглавлялась Караханом⁶. В составе и идеологии этой организации важную роль играло влияние Троцкого и опыт Петербургского Совета 1905 года. В августе 1917 года Троцкий и вся организация Межрайонного комитета объединились с большевиками, и с этого момента ее бывшие члены старались не напоминать о том, что первоначально, до объединения с большевиками, организация играла независимую политическую роль, потому что это могло повредить их репутации. Наоборот, каждый более или менее видный член Межрайонки уверял, что в душе он всегда был большевиком, а самостоятельность организации была тактическим приемом, диктовавшимся условиями подпольной работы при царском режиме.

Кажется, однако, что в феврале 1917 года ни одна революционная группировка не приложила столько усилий, чтобы убедить рабочие массы выйти на улицу, как Межрайонка. М. Балабанов сообщает, что Межрайонка выпустила листовки с лозунгами — «Долой самодержавие», «Да здравствует революция», «Да здравствует революционное правительство», «Долой войну»⁷. Если так, то это доказывает, что ставка на революцию, от которой после неудачи 1916 года отказались большевики, была сделана и с большим успехом выиграна Межрайонкой.

И все же трудно поверить, что такая маленькая революционная группа, как Межрайонный комитет, могла без всякой помощи организовать рабочее движение такого масштаба. Кроме того, у руководителей ее не было, по-видимому, твердой решимости к осуществлению содержащихся в листовке лозунгов. Юренев, возглавлявший тогда Межрайонный комитет, участвовал в неофициальных совещаниях, которые происходили после 23 февраля в частных домах между думскими либералами, представителями легальной оппозиции и революционерами-подпольщиками. Так, 26 февраля Юренев удивил В. Зензинова (правый эсер) на одном из этих собраний в квартире А.Ф. Керенского тем, что «он занял какую-то удивительную позицию»⁸. К этому времени революция была уже в полном разгаре, и столкновения между войсками и толпой происходили по всему городу. Однако Юренев, в противовес всем остальным присутствующим, не только не проявлял никакого энтузиазма, но, говорит Зензинов, «отравлял всех нас своим скептицизмом и неверием». «Нет и не будет никакой революции», — Упрямо твердил он. — Движение в войсках сходит на нет и надо готовиться к долгому периоду реакции». Он особенно резко нападал на А.Ф. Керенского, упрекая его в «обычной, свойственной ему истеричности» и «обычном преувеличении».

Мы утверждали, — продолжает Зензинов, — что волна идет вверх, что мы должны готовиться к решительным событиям, Юренев, считавший себя на

более левом фланге, усиленно старался облить нас холодной водой. Для нас было ясно, что такова была позиция в тот момент не только его лично, но и большевистской петербургской организации. Юренив высказывался против форсирования событий, утверждал, что начавшееся движение не может иметь успеха, настаивая даже на необходимости успокоить взволнованные рабочие массы.

Воспоминания Зензинова были написаны много лет спустя, но это не значит, что они неверны. Отношение Юренива к совещанию можно логически объяснить по-разному: он встретился с представителями либеральных кругов, готовых установить первые контакты с революционным движением, и у него были причины охладить их пыл и желание «возглавить революцию» и стать вождями рабочих масс — эту роль ни один социал-демократ не захотел бы разделить с представителями буржуазии. С другой стороны, возможно, что и впрямь 26 февраля Юренива пугала перспектива столкновения между петроградскими рабочими и гарнизоном, уличные схватки ему так же претили, как и Шляпникову, занимавшему в петроградском комитете большевиков такой же пост, какой он сам занимал в Межрайонке. Межрайонка имела зачаток своей организации в петроградском гарнизоне, но, видимо, слабый, и ничто пока не свидетельствовало о том, что недовольство распространилось и на армию⁹. О мятеже Павловского полка еще никто не слышал. У революционных комитетов в этот момент были все основания опасаться столкновения с вооруженными частями, но они могли, ничего не теряя, подождать окончания войны. Легальная же оппозиция, как в Думе, так и в общественных организациях, стремилась использовать создавшуюся в столице ситуацию, чтобы добиться своего. Для них этот шанс получить долгожданную конституционную реформу был, может быть, последним. Если упустить удобный случай, то война может летом кончиться, и тогда все будет потеряно. Зензинов указывает на невозможность убедить Юренива, но Юренив, вероятно, хотел поставить либералов на место и заставить их понять, что петроградский пролетариат не станет драться на улицах для того, чтобы своими руками загребать для них жар. Он, разумеется, прекрасно сознавал, чем было обусловлено сочувствие к революции со стороны тех, кто надеялся использовать революцию, чтобы заставить царя пойти на уступки и захватить власть. Но даже если счесть категорический пессимизм руководителей подпольных революционных организаций политическим маневром, направленным на то, чтобы сохранить контроль над рабочим движением, то его все же трудно увязать с воинственными ухватками партийной идеологии, предписанной всем

политическим деятелям социал-демократии. Воинственности, очевидно, не хватало, как у большевиков, так и у Межрайонки. И все же рабочее движение росло, демонстрации на Знаменской площади и на Невском проспекте становилось все труднее разгонять. Трудно поверить, что такое движение могло не утратить своего напора и сплоченности без какой-либо организации или вожakov, агитирующих и поднимающих массы. Теория стихийного движения петроградского пролетариата есть лишь признание нашей неспособности объяснить ход событий. Почему такое движение должно было начаться тогда, и только тогда, в Петрограде? Ни до, ни после этого рабочие массы России не демонстрировали подобной способности к согласным «стихийным» действиям.

Что касается движущих факторов событий, то есть еще один аспект Февральской революции, который требует изучения. Речь идет о предположительной роли немецких денег и немецкой агентуры. В спорах о немецкой помощи большевикам после возвращения Ленина вопрос был затемнен и замят. На этом мы уже останавливались. Существует две самостоятельных проблемы — немецкое вмешательство в февральские события и немецкая помощь большевикам. И обе для историка одинаково трудно разрешимы. С самого начала все участники дела были живо заинтересованы в том, чтобы не оставить никаких документальных свидетельств. С немецкой стороны, когда был открыт доступ к архивам, кое-что прояснилось, со стороны же Советского Союза не изменилось ничего, не стал доступным ни один документ, и всякие расспросы там сочли бы политической провокацией, оскорблением учения.

В России в то время многие, по-видимому, были убеждены, что немцы так или иначе приложили руку к февральским событиям. На одном из первых заседаний Временного правительства, в марте, министр иностранных дел Милюков вскользь упомянул о роли немецких агентов и денег в Февральской революции. Последовал резкий выпад Керенского, который покинул зал заседания, заявив, что не может находиться там, «где священное дело революции подвергается надругательствам»¹⁰. Конечно, Керенский извращал и преувеличивал, крича, что Милюков «подвергает надругательствам», Милюков просто выразил общераспространенное мнение. Скрытые пружины народного восстания требуют объяснений, и вмешательство немецкой агентуры дает объяснение этому поразительному успеху «революции без революционеров».

В одной из предыдущих глав мы пытались рассмотреть, как разные немецкие военные ведомства усиливались внести свою лепту в организацию рабочих волнений и,

поскольку возможно, революции. Мы видели, что Гельфанд (Парвус) разработал для германских властей подробный план, предлагая к их услугам свои обширные связи как на Балканах, так и в Скандинавии, и что германское правительство оказало ему значительную финансовую поддержку, чтобы он мог независимо осуществить свои революционные планы. Если вернуться к политическим событиям в России, то там следов деятельности Гельфанда обнаруживается крайне мало, хотя некоторые указания на то, что немецкие деньги и изобретательность Гельфанда не пропали даром, — есть.

Выше мы видели, что забастовка, вспыхнувшая в Петрограде в январе 1916 года, была спровоцирована и поддержана финансово организацией Гельфанда, и, возможно, те же агенты организовали забастовку в Николаеве. Имея в виду эти прецеденты, трудно поверить, что немцы не имели никакого отношения к событиям 23–26 февраля 1917 года, столь напоминающим события 1916 года. Мы видели также, что в 1917 году организация Гельфанда все еще работала в Копенгагене, и экономическое и финансовое положение Гельфанда было лучше, чем когда-либо. Никто из его агентов в России (как говорили, на него работало десять человек)¹¹ не был пойман.

Возможно, группировки, которые он поддерживал, между февралем 1916 и февралем 1917 года менялись. И более безликая Межрайонка играла, по всей видимости, более важную роль в 1917 году, чем петроградская организация большевиков. Гельфанд, у которого были тесные связи с левыми меньшевиками и с Троцким, мог по собственному выбору оказывать поддержку то одному комитету, то другому. Но это только догадка. Ни Гельфанд, ни остальные участники этой деятельности не оставили никаких свидетельств о том, что это было действительно так. Можно, однако, подозревать, что крайне важный вопрос финансирования забастовок (то есть поддержки рабочих из недели в неделю, пока они бастуют, выдвигая то невозможные экономические, то невозможные политические требования, которых заводские управления не могут удовлетворить) улаживался безличными забастовочными комитетами с помощью фондов, источником которых была организация Гельфанда¹². И чем безличнее, незаметнее оказывающие поддержку комитеты и люди, тем лучше для конспиративной структуры гельфандовской организации¹³.

Несмотря на то, что за рабочими волнениями в феврале 1917 года могли скрываться немецкие агенты и немецкие деньги, было бы ошибкой преувеличивать их влияние на последующие события. Как только демонстранты, выйдя с окраин Петрограда, смешались в центре города с толпой, характер движения стал меняться.

Лозунги, с которыми демонстрация началась на промышленных окраинах, были изменены или отброшены, как только начались контакты с обитателями центра — студентами и гимназистами, мелкими служащими, младшими офицерами и другими представителями средних классов, которые готовы были поглазеть на демонстрацию рабочих, присоединиться к процессии, попеть революционные песни и со вкусом послушать уличных ораторов. Сначала рабочие вышли с лозунгами: «Хлеба!» — «Долой самодержавие!» — «Долой войну!» Мы уже видели, что положение с продовольствием вряд ли оправдывало первый лозунг. Второй был обычен для любой демонстрации в России. Наряду с красным флагом, он свидетельствовал о революционности. Но третий лозунг, игравший большую роль в рабочих демонстрациях 23–6 февраля, заслуживает дополнительных разъяснений.

Хроникер русской революции Суханов считает, что лозунг «Долой войну» можно рассматривать как доказательство распространения идей Циммервальдской конференции среди пролетарских масс. Но даже Суханову пришлось признать, что ошибкой было выдвигать такой лозунг в тот момент, когда выступления рабочих окраин превратились во всенародную революцию, в которой партии буржуазной оппозиции должны были играть ведущую роль. Он комментирует:

Было а priori ясно, что если рассчитывать на буржуазную власть и присоединять буржуазию к революции, то надо временно снять с очереди лозунги против войны, надо в данный момент на время свернуть циммервальдовское знамя, ставшее знаменем русского и, в частности, петербургского пролетариата¹⁴.

Если оставить в стороне марксистский жаргон, которым пользуется Суханов при описании российских событий 1917 года («пролетариат», «буржуазия»), то анализ его совершенно верен. Верно, что лозунг «Долой войну» не привлекал мещанскую толпу в центре Петрограда. Как ни парадоксально, этот класс гораздо больше пострадал от все увеличивающейся инфляции и других военных невзгод, чем рабочие. Служащим, получающим жалованье, было труднее угнаться за ростом цен, чем рабочим с регулярной зарплатой. Тем не менее средние классы не теряли патриотизма и в общем были глухи к пораженческим идеям Циммервальда, и именно патриотизм заставил их присоединиться к решительному натиску на самодержавие. Они полностью поддались пропаганде либеральной прессы, Думы и общественных организаций и приветствовали падение царского режима, так как думали, что царское правительство либо потерпит поражение в войне, либо заключит позорный сепаратный мир. Поэтому лозунг «Долой войну» их шокировал, он легко мог повести к расколу революционного

движения, если бы устроители демонстраций уже в начальной стадии не убрали его. Петербургский комитет большевиков вряд ли можно обвинить в выдвигании этого лозунга. В своих прокламациях предшествовавшего года большевики воздерживались от всяких антивоенных призывов, Межрайонка же, видимо, в феврале 1917 года включила лозунг в свою листовку. В Межрайонке должны бы были хорошо знать, почему большевики не использовали этот лозунг, и понимать то, что «а priori было ясно» Суханову, а именно — что с точки зрения революционной тактики лозунг был грубой ошибкой.

Но, как можно расчесть из других соображений, если стачечное движение было начато теми, кто получал инструкции из Берлина, Копенгагена и Стокгольма, то этот лозунг имел смысл. Люди, которые тратили деньги своих нанимателей на поощрение подобных демонстраций, были прежде всего заинтересованы в уничтожении русской военной мощи и русского духа, перспектива революции их не интересовала, как не интересовала и необходимость сохранять подобие национального единства в видах свержения векового политического строя. Неопознанным агентам Гельфанда важно было обеспечить антивоенные демонстрации, которые не отклонялись бы от главной цели. А «пролетарские массы» мало трогало, под какими лозунгами они демонстрируют, пока шли деньги из фондов забастовочных комитетов, — по всей вероятности, от тех же людей, которые начертали лозунги на знаменах. Суханов очень живо пишет о цинизме таких пролетарских революционеров, позволяя допустить, что лозунги им навязали какие-то таинственные посторонние лица. В субботу 25-го Суханов встретил группу рабочих, обсуждавших события. «Чего *они* хотят?» — спросил один из них мрачно. «Они хотят мира с немцами, хлеба и равноправия евреев». Суханов пришел в восторг от этой «блестящей формулировки программы великой революции», но не заметил как будто, что мрачному рабочему представляется, что лозунги исходят не от него и ему подобных, а навязаны какими-то таинственными «ими».

В действительности знамя Циммервальда, о котором говорит Суханов, несли не только метафорически, но и буквально. Правый эсер Зензинов был на Знаменской площади 25 февраля и вспоминает следующую сцену:

Теперь толпа уже валила густой массой по Невскому — все в одном направлении, к Знаменской площади, и будто с какой-то определенной целью. Появились откуда-то самодельные красные знамена — видно, что все это произошло экспромтом. На одном из знамен я увидел буквы «Р.С.Д.Р.П.» (Российская социал-демократическая рабочая партия). На другом

стояло «Долой войну». Но это второе вызвало в толпе протесты, и оно сейчас же было снято. Помню это совершенно отчетливо. Очевидно, оно принадлежало либо большевикам, либо «межрайонцам» (примыкавшим к большевикам) — и совсем не отвечало настроению толпы¹⁵.

Зензинов, вероятно, не совсем справедлив к большевикам. Оборончество, как мы увидим, проникло даже в среду большевистских вожаков. Ленину, когда он в апреле вернулся в Россию, потребовалась вся его политическая изощренность, чтобы опять восстановить антивоенный лозунг (но уже не в грубой формулировке февральских дней), сначала в программе партии, а затем в сознании «пролетарских масс». Тем не менее антивоенные лозунги и антивоенные речи, произнесенные с пьедестала памятника Александру III на Знаменской площади в первые три дня рабочих волнений, следует считать свидетельством непосредственного вмешательства немецких агентов, а не петроградского комитета большевиков как такового.

§ 3. Уличные бои.

Удивительно, как мало значения придавали демонстрациям 23–25 февраля те, кого это больше всего касалось. Забастовки в промышленных районах, с демонстрациями, пением революционных песен и спорадическим появлением красных флагов среди толпы, считали чем-то само собой разумеющимся, никто не думал, что все это может повлиять на ход основных политических событий в ближайшем будущем. В думских дебатах о демонстрациях не упоминали; Совет министров, заседавший 24 февраля, демонстраций даже не обсуждал. Министры считали, что это дело полиции, а не политики. Даже революционная интеллигенция Петрограда, непосредственно не участвовавшая в подпольной работе, не отдавала себе отчета в том, что происходит. Мстиславский-Масловский, старый эсер-боевик, опубликовавший ранее руководство по ведению уличных боев (теперь он служил в библиотеке Генерального штаба — такова была беспечная терпимость самодержавной власти!), говорит в своих мемуарах, что революция, «долгожданная, желанная», застала их, «как евангельских неразумных дев, спящими»¹⁶.

Разумеется, полиция была наготове. Но демонстрантов, которых сначала были тысячи, теперь стало десятки, может быть, сотни тысяч, и полиция вызвала для поддержания порядка имеющиеся в столице войска. Однако, действия полиции были медлительны. Полицейских не хватало, и не только мало было сделано, но и не могло

быть сделано больше, чтобы предупредить скопление людей на улицах и площадях. Как только где-нибудь собиралась толпа, полиция ее разгоняла, и, под угрозой ареста, люди расходились по боковым улицам и по дворам соседних зданий. Но стоило полиции уйти, как толпа опять собиралась на прежнем месте, и лозунги и речи возобновлялись. Как демонстранты, так и полицейские, за малыми исключениями, не переходили определенных границ. Случалось, что демонстранты переворачивали трамвай, но серьезных попыток построить баррикады не делали. Характерно, что даже в дни последующих уличных боев между противными сторонами линия фронта так и не установилась. Революционные массы и правительственные войска смыкались.

Так как погода была на редкость холодная, и толпы, и полицейские расходились на ночь по домам, чтобы утром опять приняться за бесцельное на вид состязание с новой силой. В воскресенье 26-го демонстрации начались позднее — сразу после полудня. И никто не воспользовался ночью, чтобы захватить и удержать стратегические пункты в виду будущих сражений. Ни одна сторона, как будто, не видела в происходящем ничего катастрофического или просто серьезного.

Спорадические вспышки насилия и стрельбы в разных частях города в первые дни революции нельзя считать следствием обдуманного решения ни со стороны полиции и армии, ни со стороны революционных комитетов. Совершенно очевидно, что правительственным войскам было приказано стрелять в толпу только в самообороне. Самая мысль об убитых и раненых на покрытых снегом улицах столицы ужасала власти. Что подумают союзники! Предполагалось, что казаки будут нагайками разгонять толпу, но так как они отправлялись на войну, то этой части снаряжения у них не было. Когда это выяснилось, то был издан приказ снабдить их деньгами, чтобы каждый мог сам себе добыть нагайку. И императрица в одном из писем государю уверяла, что совершенно незачем стрелять в толпу, состоящую из гадких мальчишек и девочек, которые пользуются затруднениями в снабжении, чтобы побезобразничать. Приказ не стрелять дал возможность толпе подходить к солдатам и разговаривать с ними. Солдаты скоро поняли настроение толпы. Им казалось, что демонстрация мирная и грех против нее пускать в ход оружие. Боеприпасов было очень мало, и никаких шагов, чтобы обеспечить достаточное их количество на случай, если начнутся серьезные уличные бои, сделано не было. Это создало самые капитальные затруднения, когда 27-го вспыхнул мятеж в гарнизоне и пресечь его можно было только вооруженным подавлением.

В то же время, даже большевистские руководители, как кажется, делали все, что было в их силах, чтобы предотвратить стрельбу на улицах. Шляпников совершенно

определенно высказывается по этому вопросу. Когда рабочие требовали, чтобы он вооружил демонстрантов, он наотрез отказался. Достать оружие нетрудно, сказал он, но не в этом дело:

Боялся я, что нетактичное направление приобретенного таким образом оружия может только повредить делу. Разгоряченный товарищ, пустивший револьвер в ход против солдата, мог бы только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих. Поэтому я решительно отказывал в поисках оружия всем, самым настоятельным образом требовал вовлечения солдат в восстание и этим путем добыть оружие и всем рабочим. Это было труднее, чем приобретение нескольких десятков револьверов, но в этом была целая программа действий¹⁷.

Несмотря на решимость обеих сторон избегать применения оружия, случаи стрельбы были во всем городе, и число раненых и убитых ежедневно возрастало. Это отчасти объясняется взаимной подозрительностью. В Петрограде твердо верили слуху, что полиция установила пулеметные посты на чердаках жилых домов и готовится стрелять в демонстрантов из этих прикритий. Любая стрельба, особенно на расстоянии, немедленно приписывалась пулеметным постам. Позднее революционеры посылали особые отряды, чтобы обыскать дома и арестовать полицейских, стреляющих крыш.

Временное правительство создало несколько комиссий, чтобы выяснить, какую роль полиция играла в февральских боях. Впоследствии историки анализировали все имеющиеся данные, но не установили ни одного случая, чтобы полицейские, сидя на крышах, обстреливали толпу из пулеметов. Тем не менее легенда о «протопоповских пулеметах» сыграла роль в озлоблении прощв полиции и в провоцировании эксцессов, в которых было убито большое число офицеров и нижних полицейских чинов¹⁸.

Этим озлоблением объясняется ряд стычек, которые произошли накануне воскресенья 26 февраля. Однако для того, чтобы стычка произошла, нужна какая-то провокация со стороны организаторов демонстраций. В военные отряды бросали бомбы, и они, обороняясь, немедленно пускали в ход оружие. Но даже в этих случаях многие считали, что бомбы бросают полицейские агенты-провокаторы. Это подтверждается разговором между председателем Думы и начальником петроградского гарнизона. Родзянко был твердо уверен, что в инцидентах, подобных упомянутому, бомбу бросил городской, он так и сказал Хабалову. «Господь с вами! какой смысл

городовому бросать гранаты в войска?» — удивленно и несколько наивно ответил Хабалов¹⁹.

25-го на Знаменской площади произошел серьезный инцидент. Его по праву считают поворотным пунктом в начальной фазе восстания. Несколько очевидцев, среди них рабочий-большевик Каюров и В. Зензинов, по-разному рассказывали о происшедшем, хотя никто не был свидетелем самого убийства. Большая толпа собралась вокруг памятника Александру III, с пьедестала которого, как и в предыдущие дни, говорились революционные речи. На всякий случай на площадь был прислан отряд казаков, но казаки ничего не делали, чтобы разогнать демонстрацию. Примерно в 3 часа пополудни на место действия прибыл отряд конной полиции под начальством офицера по имени Крылов. Следуя установившейся практике разгона демонстраций, он протолкался сквозь толпу, чтобы схватить красный флаг, но его отрезали от его части, и он был убит наповал. Согласно Зензинову, в него стреляли, и было доказано, что пуля из казачьей винтовки. Согласно Мартынову²⁰, воспользовавшемуся материалами полицейского архива, Крылов был убит холодным оружием и затем получил несколько сабельных ударов. Вскрытие не выявило огнестрельной раны. Каюров описывает жуткую сцену, как демонстранты прикончили Крылова лопатой, а толпа с восторгом подхватила казака, ударившего Крылова саблей.

Но кто бы ни убил Крылова — толпа или казаки — у всех, и у полицейских, и у демонстрантов, было впечатление, что казаки на Знаменской площади присоединились к восставшим. Этот случай отношения казаков к стычкам между полицией и толпой был не единственным. Как случилась такая перемена? Ведь вообще казачьи войска считались в высшей степени надежными, поскольку речь шла о подавлении крестьянских или рабочих бунтов. Возможный ответ может быть найден в мемуарах Владимира Бонч-Бруевича, личное влияние которого в последовавшие дни было столь же важным, сколь и незаметным.

В.Д. Бонч-Бруевич был старым большевиком, поддержавшим Ленина на II съезде социал-демократической партии в 1902 году, с тех пор связь их не прерывалась. Во время и после революции 1905 года он активно участвовал в организации большевистской подпольной печати. Когда революционная волна в 1906 году стала спадать, Бонч-Бруевич, вместо того, чтобы эмигрировать, как большинство большевистских лидеров, остался в России и работал в Академии наук, исследуя русские религиозные секты и их литературу. Он основательно изучил психологию и социальный состав сектантов, в частности, секты, известные под названием Старый и

Новый Израиль. Он даже издал одну из священных книг этих сект, так называемую Голубиную Книгу, и заслужил признательность адептов.

Бонч-Бруевич говорит в своих мемуарах, что в феврале он принял депутацию казаков, из полка, стоявшего в Петрограде, желавших поговорить с ним о вероисповедных вопросах. После ритуальных объятий, бывших тайным условным знаком у посвященных секты Новый Израиль, казаки спросили Бонч-Бруевича, как им поступить, если их пошлют на подавление восстания в Петрограде. Бонч-Бруевич велел им избегать стрельбы любой ценой, и они обещали следовать его совету. Он впоследствии узнал, что отряд, пославший депутацию, патрулировал на Знаменской площади в критические дни и был замешан в убийстве полицейского офицера. Сдержанные намеки Бонч-Бруевича объясняют, как устанавливались тайные контакты между революционерами-интеллигентами и дезориентированными казаками, покинувшими свои поля и села, чтобы идти на войну, и попавшими в суматоху революции в великом Вавилоне севера²¹.

Несмотря на то, что общее положение в столице к концу последней недели февраля ухудшилось, донесения, отправляемые в Могилев командующим Петроградским военным округом Хабаловым, военным министром Беляевым и Протопоповым, носили ложно обнадеживающий характер. События в столице интерпретировались как неорганизованное, анархическое возбуждение, смесь голодного бунта и хулиганства; в донесениях выражалась уверенность, что принимаемые меры в двадцать четыре часа положат всему этому конец. Эти меры заключались в усилении контроля над пекарнями, в аресте примерно сотни революционеров — в их числе значительная часть членов петроградского комитета большевиков — и в замене казачьих отрядов, вяло поддерживавших действия полиции, — отрядами кавалерии²².

Однако к этому времени царь, вероятно, был уже обеспокоен положением в Петрограде. Его оценка, хотя и не вполне точная, была все же ближе к истине, чем то, что можно было прочитать в донесениях его министров. Вечером 26-го Хабалов получил телеграмму от царя, в которой говорилось: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Телеграмма была составлена самим государем и послана без консультации с кем бы то ни было. Она привела Хабалова в полное замешательство. Даже если допустить некоторую преувеличенность его показаний при допросе в Муравьевской комиссии, свидетельство Хабалова, очевидно, довольно точно отражает его состояние после получения телеграммы. Он сказал комиссии:

Эта телеграмма, как бы вам сказать? — быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... Как прекратить «завтра же»... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? как мне прекратить? Когда говорили: «хлеба дать» — дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись «долой самодержавие» — какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? — Царь велел: стрелять надо... Я убит был — положительно убит! Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату...

Примерно в 10 часов вечера 25 февраля состоялось совещание ответственных чинов полиции и армии, задачей которых было поддержание порядка в столице, и Хабалов отдал приказ:

Господа! Государь приказал завтра же прекратить беспорядки. Вот последнее средство, оно должно быть применено... Поэтому, если толпа малая, если она не агрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд, — пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа агрессивная, с флагами, то действуйте по уставу, т.е. предупреждайте тоекратным сигналом, а после тоекратного сигнала — открывайте огонь²³.

Позже, когда уже было принято решение распустить Думу, Хабалов сделал доклад Совету министров.

26 февраля было воскресенье. Город, как и прежде, был спокоен ночью — военных патрулей не было, а в воскресенье утром рабочие сидели по домам. Однако, события истекшего дня заставили полицейские власти собрать городских, распределить их по взводам и вооружить винтовками. Утром Хабалов сообщил в Могилев, что город спокоен. Вскоре после полудня, пока это сообщение шло в Ставку, вспыхнуло серьезное восстание, сосредоточенное все еще на Знаменской и Казанской площадях. Беспорядки длились недолго и были подавлены войсками, применившими огнестрельное оружие. Было много раненых и убитых, хотя в картине усеянного трупами Невского, которую мы находим не только в фантастическом описании Троцкого, но также у Суханова, много преувеличений²⁴.

Однако трудно преувеличить впечатление, которое стрельба произвела на самих солдат. В течение последних трех дней они были на улицах, видели толпящийся народ, разговаривали с женщинами и молодежью, присоединившейся к демонстрантам, они видели, что их командиры колебались прибегать к насилию, чтобы разогнать толпу.

Когда им наконец было приказано открыть огонь по той же, большей частью невооруженной, толпе, с которой они только что братались, они ужаснулись, и нет основания сомневаться в оценке положения, которую дал генерал Мартынов: «Подавляющее большинство солдат было возмущено ролью, которую они должны были играть, подавляя восстание, и стреляли только по принуждению»²⁵. Это особенно относилось к учебной команде Волынского полка, состоявшей из двух рот, при подразделении было два пулемета, и оно, по приказу майора Пашкевича, должно было разогнать демонстрацию на Знаменской площади. В результате толпа разбежалась, оставив на мостовой сорок убитых и столько же раненых²⁶.

Стрельба, убитые и раненые были во многих других местах города, и к вечеру 26-го полицейские власти, подводя итог на официальном жаргоне, могли сказать, что «порядок восстановлен».

Ввиду того, что произошло на следующий день (понедельник 27-го), надо сказать, что один инцидент, случившийся 26-го февраля, затмевает все столкновения между полицией и демонстрантами. Речь идет о бунте солдат в Павловском гвардейском полку. В воскресенье две роты были направлены на патрулирование улиц и приняли участие в обстреле. Офицеры, вероятно, вполне держали их в руках, и никаких признаков неподчинения не было. Демонстранты бросились в Павловские казармы, прося резервную роту полка выйти и остановить стрельбу по толпе, производившуюся патрулирующими ротами, после чего часть солдат (по всей вероятности, офицерского контроля не было) высыпала с винтовками на улицу, требуя прекратить кровопролитие. Беспорядок продолжался до тех пор, пока не появились офицеры, приступившие к переговорам с солдатами и затем, с помощью полкового священника, отправившие солдат обратно в казармы²⁷. Об этом инциденте было доложено Хабалову и военному министру Беляеву, и он, естественно, вызвал некоторое оцепенение. Беляев настаивал на немедленных мерах и предлагал тут же казнить бунтовщиков. Хабалов доказывал, что дело должно быть рассмотрено военным судом. Пока что у солдат отобрали оружие и заперли их в казармах. Выяснилось, что не хватает двадцати одной винтовки. Солдаты, казалось, были подавлены и выдали зачинщиков — девятнадцать человек, — которых арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. По видимости, инцидент был исчерпан и на моральное состояние других рот не повлиял. Именно Павловский полк явился 27-го с оружием и оркестром защищать штабное командование округа, когда войска почти вышли из повиновения и многие отряды петроградского гарнизона «присоединились к народу».

Интересно отметить, что петроградские военные власти сразу не сообщили в Могилев о факте мятежа.

Нам теперь кажется странным, что этот инцидент не послужил предостережением офицерам других частей, охранявших город. Это можно до некоторой степени объяснить особыми условиями службы в столице. Солдат петроградского гарнизона служил в среднем от шести до восьми недель. Постоянным пунктом раздражения был вопрос об отпусках. Безделье и скука переполненных казарм заставляли солдат проситься в город, тогда как офицеры были главным образом озабочены тем, чтобы держать их в казармах, так как за ними было трудно уследить в мутной воде петроградской жизни. Численность некоторых рот достигала полутора тысяч человек; там были молодые рекруты — совсем мальчишки, еще не принесшие присягу знамени и государю, были и побывавшие на фронте солдаты, которые провели много времени в госпиталях вследствие ранений или по болезни; этим все приелось, а отсутствие дисциплины в госпиталях развратило. Среди них было много петроградских интеллигентов, которые в качестве солдат работали на артиллерийских заводах, и через них в солдатскую среду проникала какая-то часть подпольной пропаганды²⁸.

На моральное состояние солдат сильно повлияло то, как необдуманно и бессмысленно их использовали в первые три дня уличных беспорядков. В согласии с разработанным планом по поддержанию и восстановлению порядка в столице, их заставляли часами простаивать на стратегических пунктах, не дав определенных указаний, как поступать в случае беспорядков. Солдаты понимали, что начальство уклоняется применить против толпы огнестрельное оружие. Они понимали также, что полиция, когда ей не удастся справиться самой, ждет от них помощи, которую они гнушались оказывать, потому что их отношения с полицией уже были напряженными²⁹.

Между демонстрантами и солдатами уже существовал контакт, и, как мы видели, это иногда приводило к тому, что войска переходили на сторону демонстрантов, против полиции. Когда приказ царя радикально изменил ситуацию и когда после полудня 26-го войскам было приказано стрелять в демонстрантов, они, естественно, были ошеломлены. В конце концов, толпа вела себя так же, как и раньше, когда ее поведение терпели. И тем не менее, если оставить в стороне инцидент в Павловском полку, ярких случаев неповиновения среди солдат в этот день не было, и, как мы уже отмечали, даже председатель Межрайонки Юренив считал, что попытка начать всеобщее революционное выступление провалилась, что армия к восставшим не присоединится.

§ 4. Мятеж петроградского гарнизона.

В тот момент, когда радикальная и революционная интеллигенция уже теряла веру в успех своего дела, в игру вступил новый фактор. Солдаты Волынского полка, которые в воскресенье 26 февраля принимали участие в стрельбе на Знаменской площади, не спали в своих казармах, обсуждая происходящее. Это были солдаты двух рот учебной команды, и открыть огонь по толпе приказал их командир капитан Лашкевич. Один из унтер-офицеров полка, некто Кирпичников, отличился в этот день — он выхватил самодельную бомбу из рук одного демонстранта и с чувством исполненного долга сдал ее полицейским.

Кирпичников оказался впоследствии самым энергичным пропагандистом «оборончества» среди солдат петроградского гарнизона. В своем рассказе о случившемся Кирпичников описывает Лашкевича как офицера непопулярного, в золотых очках (отметьте этот символ богатства и интеллигентности), жестокого, грубого, оскорблявшего и доводившего до слез даже старых солдат, прозвище его было «очковая змея»³⁰.

Когда офицеры ушли из казарм, солдаты собрались, чтобы поговорить о событиях дня. Они не понимали, почему им приказали стрелять. Кирпичников не сообщает подробностей разговора, который велся в темной казарме, а если бы и сообщил, все равно это мало что дало бы, ибо реальность превращалась в легенду, не успев осуществиться. Ничто не говорит о том, что внезапное решение солдат не стрелять в демонстрантов было подсказано революционной убежденностью. Оно было подсказано скорее естественным отвращением ко всему, что приказывает самый непопулярный офицер. При этом они, очевидно, сознавали риск, которому подвергались, решившись на неповиновение. Была ли это работа какого-либо представителя революционных групп или другой тайной организации, мы не знаем. Принимая во внимание дальнейшее, мы не можем исключить эту возможность. Кирпичников, которого солдаты, по-видимому, считали вожаком, вряд ли был членом такой группы.

Ситуация приобрела взрывчатый характер на следующее утро, в понедельник 27-го, когда солдаты вышли в коридоры казармы строиться и появился Лашкевич. Первая рота учебной команды приветствовала его, как обычно, и он произнес короткую речь, разъяснив солдатам, в чем состоит их долг, и процитировал телеграмму государя. Тогда Кирпичников доложил, что солдаты отказываются выходить на улицу. Согласно

Лукашу, который передает слова Кирпичникова, дальше дело было так: «Командир побледнел, отшатнулся и поспешил уйти. Мы бросились к окнам, и многие из нас видели, что командир внезапно широко раскинул руки и упал лицом в снег во дворе казармы. Он был убит метко пущенной *случайной* пулей!» Когда писались эти строки, здравый смысл был уже заменен в России фантастической логикой революционной риторики. Убийство Пашкевича иногда приписывают самому Кирпичникову. Накануне ночью был убит командир Павловского полка, полковник Экстен — у дверей казармы, после усмирения взбунтовавшейся роты. Впоследствии офицеров нередко убивали те солдаты, которыми они командовали. Вообще говоря, самое революционизирующее действие на солдат и матросов оказывало именно убийство командира. Такова была доктрина, принятая партией большевиков и самим Лениным³¹.

Кто бы ни убил Пашкевича, это больше внесло революционности в сознание солдат Волынского полка, чем любая пропаганда. Солдаты внезапно почувствовали, что возврата для них нет. С этого момента их судьба зависела от успеха мятежа, а успех этот мог быть обеспечен только в том случае, если к Волынскому полку немедленно присоединятся другие. После некоторых колебаний и обсуждений на учебном плацу, солдаты схватили винтовки и бросились на улицу, в казармы Преображенского и Московского полков. Весть о мятеже Волынского полка пожаром разносилась по улицам, на которых, минуя патрульные посты, уже собирались с окраин рабочие, чтобы продолжить начатую накануне демонстрацию. Солдаты Волынского полка стреляли в воздух и кричали, что поддерживают народ. Но очень скоро они перестали быть единым целым, смешавшись с демонстрантами и став частью той самой толпы, которая так характерна была для тех дней — безоружные, расхристанные солдаты и вооруженные рабочие в картузах и даже в шляпах.

Офицеров мятежных частей нигде не было видно. В этот решающий день, 27 февраля, поведение офицеров петроградского гарнизона имело большие последствия. В большинстве случаев они плохо знали своих солдат, их авторитет поддерживался лишь традиционной дисциплиной, для укрепления которой никакого личного усилия с их стороны не было. Но даже те, кто солдат знал хорошо, кто был передовых и даже прогрессивных взглядов, как полковник Станкевич, которому мы обязаны одним из первых объемистых трудов о революции³², сразу почувствовали большую личную опасность, когда услышали, что в казармах солдаты убивают офицеров. Кроме того, многие офицеры петроградского гарнизона тоже поддались пропаганде прессы и общественных организаций и желали переговоров с Думой и немедленной конституционной реформы, какими бы запоздалыми они ни были³³.

Мятеж Волынского полка, быстро распространившийся на другие части петроградского гарнизона, был, конечно, ключевым событием в этот день — понедельник 27 февраля. После падения царского режима, в опьянении первых недель, казалось, что мятеж гарнизона был проявлением воли народа к революции. С приходом новой власти это стало символом веры — считать, что даже в эти первые дни (27 февраля — 2 марта) всякая воинская часть, поставленная перед альтернативой — присоединиться к революции или участвовать в ее подавлении, — с энтузиазмом присоединилась бы к народу при первом удобном случае. События в Петрограде этого не подтверждают.

Прежде всего, совершенно очевидно, что правительство ничего не предпринимало, чтобы поднять дух тех частей, которые готовы были повиноваться приказам. В понедельник 27 февраля, около полудня, военный министр Беляев приказал генералу Занкевичу взять под свою команду оставшиеся верными части Петрограда, чтобы помочь генералу Хабалову, который совсем потерял голову. В распоряжении Занкевича был большой отряд, который он собрал на площади Зимнего дворца. Солдаты с воодушевлением встретили его речь, в которой он призывал стоять твердо как скала за царя и отечество. Но после этого прошли часы, а приказа никакого не последовало; никто не позаботился накормить патрульные войска, и с наступлением сумерек солдаты разошлись по своим казармам ужинать. По дороге их впитывала толпа.

Типично, что ни Хабалов, ни Беляев не знали, на какие именно части они могут рассчитывать. Так, в казармах Сампсониевского проспекта находился Самокатный батальон, состоящий из десяти рот — двух стрелковых, четырех формирующихся и четырех резервных. В их распоряжении было 14 пулеметов. Велосипедисты были люди грамотные, разбирались в механике, потом говорили, что в их среду «затесалось много мелкобуржуазного элемента». Ими командовал очень популярный офицер по фамилии Балкашин. Когда он 27 февраля приказал поставить часовых вокруг казармы, солдаты тотчас же ему повиновались. Он несколько раз попытался связаться со штабом Петроградского военного округа, но безуспешно. Только в 6 часов вечера он решил снять свою роту с улицы и запереться в казарме. Ночью он еще раз попытался связаться со штабом, но посланные им солдаты не вернулись. Ему удалось, однако, пополнить запас боеприпасов, послав подводу в штаб батальона на Сердобольской улице. Самокатный батальон оказал энергичное сопротивление в своих казармах, которые были всего лишь деревянными домишками, — утром 28 февраля. Когда стало очевидно, что казармы будут разрушены пулеметным и артиллерийским огнем, и

полковник Балкашин понял, что прорваться нельзя, он решил сдаться. Он приказал прекратить огонь, вышел из казармы и обратился с речью к агрессивной толпе, говоря, что его солдаты выполняют свой долг и невиновны в кровопролитии и что он один отвечает за то, что из «верноподданнических чувств» приказал солдатам стрелять в толпу. В ответ раздались выстрелы, одна пуля попала в сердце Балкашина, и он тут же умер. Это, кажется, был единственный случай исключительной храбрости, отмеченный в Петрограде в эти дни³⁴.

Случай с Самокатным батальоном³⁵ показывает, что мог бы сделать решительный и пользующийся популярностью офицер, если бы штабы петроградского гарнизона были менее дезориентированы. Чувства солдат петроградского гарнизона определенно двоились, и, по всей очевидности, был не один случай, когда они явно не хотели быть замешанными в действиях, которые считали бунтом. Первые мемуары того времени, опубликованные в Советском Союзе, отражают этот факт, хотя позднее о нем стали постоянно умалчивать. Например, рабочий Кондратьев, член петроградского комитета большевиков, вспоминает в своих мемуарах³⁶, как он ходил с рабочими и мятежниками Волынского полка в казармы Московского полка, где несколько офицеров и нижних чинов забаррикадировались в офицерской столовой и обстреливали демонстрантов через учебный плац. Кондратьев с теми, кто был с ним, ворвался в казармы и увидел, что солдаты подавлены, безоружны и не знают, что делать. Никакие увещания революционеров не действовали. «Напрягая до предела голосовые связки» и докричавшись до хрипоты, Кондратьев поставил ультиматум — если солдаты не поддержат «дело народа», казармы будут немедленно обстреляны артиллерией. По словам Кондратьева, эта угроза подействовала на солдат, и они, захватив винтовки, вышли на улицу. Этот случай был несомненно типичен для того, что происходило в этот день в Петрограде; он объясняет, почему ни самозванные штабы мятежников (под командованием эсеров Филипповского и упомянутого выше Мстиславского-Масловского), ни военная комиссия Комитета Думы (во главе с полковником Энгельгардтом) не имели в своем распоряжении войск большую часть дня, хотя тысячи вооруженных солдат перешли на сторону революции. Солдаты, выходявшие на улицу, предпочитали затеряться в толпе, а не оставаться на виду в своих частях. Они продавали винтовки тому, кто больше даст, украшали шинели обрывками красных лент и присоединялись к той или другой демонстрации, громя полицейские участки, открывая тюрьмы, поджигая здания суда и занимаясь другими видами бескровной революционной деятельности.

Мятеж петроградского гарнизона застал местные военные и гражданские власти врасплох. Он совершенно разрушал систему поддержания порядка, на которую полагалось правительство. Разрабатывая эту систему, власти полагали, что столкновения ограничатся перестрелкой между солдатами и демонстрирующими рабочими. В связи с этим город был разделен на участки, и в каждый был назначен определенный полк. Эта система потеряла всякий смысл, раз штаб округа больше не знал, на какие части он может положиться. Реакция офицеров на первые известия о солдатском мятеже показывает, до какой степени простиралась их неустойчивость, вскормленная пропагандой, а также газетным и либеральным словоблудием. Офицеры Волынского полка были совсем сбиты с толку. Один из них описал, что произошло в штабе полка, когда офицеры пришли к полковнику Висковскому, командиру батальона³⁷. Узнав, что случилось с капитаном Пашкевичем, Висковский стал совещаться со своим адъютантом. Время от времени он выходил к офицерам, ожидавшим в соседней комнате распоряжений и инструкций. Расспрашивал о подробностях случившегося. Офицеры подавали разные советы, предлагали вызвать юнкеров. Такие советы со стороны подчиненных выходили за рамки принятого и были нарушением военной дисциплины. До 10 часов мятежники оставались на плацу, очевидно, не зная, что предпринять дальше. В этот момент мятеж можно было подавить, но старший офицер продолжал колебаться и повторять подчиненным, что он верит, что солдаты останутся верны долгу, опомнятся и выдадут зачинщиков. Когда взбунтовавшаяся рота ушла со двора казармы, командир батальона посоветовал офицерам разойтись по домам и ушел сам.

Если принять во внимание поведение полковника Висковского, то не приходится удивляться, что генералу Хабалову пришлось в голову обратиться к офицеру Преображенского полка, приехавшему в Петроград с фронта и имевшему репутацию верного и энергичного человека. Когда полковник Кутепов³⁸ прибыл в городской полицейский штаб, где его ожидал генерал Хабалов, — солдаты Волынского полка уже добрались до казарм Преображенского полка, убили полкового командира и принудили часть солдат к ним присоединиться. Кутепов был назначен командующим карательной экспедиции и получил инструкцию занять весь район от Литейного моста до Николаевского вокзала и восстановить порядок и дисциплину среди всех находящихся там частей. Ему дали роту одного из гвардейских полков, рассчитывая, что по пути он соберет подкрепление.

Кутепов находился в Петрограде всего несколько дней и ничего не знал о настроениях в столице, даже о настроении офицеров своего собственного полка.

Ознакомиться с настроением оказавшихся у него в подчинении людей ему предстояло, продвигаясь по запруженному Невскому к пересечению с Литейным проспектом. Моральное состояние запасного гвардейского полка он нашел более или менее удовлетворительным, Чего нельзя было сказать о пулеметной роте, которая ему попала у Александрийского театра. Солдаты не ответили на его приветствие, а командир роты, капитан, доложил ему, что пулеметами нельзя пользоваться, так как нет ни воды, ни глицерина.

Когда довольно пестрая толпа под началом Кутепова дошла до пересечения Невского с Литейным, их нагнал офицер Преображенского полка с приказом генерала Хабалова. Он отменял данный ранее приказ и просил Кутепова немедленно вернуться на площадь Зимнего дворца. Кутепов ответил, что возвращаться тем же путем не следует, он вернется по Литейному через Марсово поле. Это решение оказалось роковым для экспедиции Кутепова. С этой минуты он потерял связь с генералом Хабаловым до конца дня и потратил много времени на переговоры с мятежной толпой на Литейном и на примыкающих улицах. Для Хабалова Кутепов как бы совершенно перестал существовать.

В своем показании Муравьевской комиссии Хабалов описывает эту ситуацию следующим образом:

И вот отряд в составе 6 рот, 15 пулеметов и полутора эскадронов, под начальством полковника Кутепова, героического кавалера, был отправлен против бунтующих с требованием, чтобы они положили оружие, а если не положат, то, конечно, самым решительным образом действовать против них... Тут начинает твориться в этот день нечто невозможное! ... А именно: отряд двинут, — двинут храбрым офицером, решительным. Но он как-то ушел, и результатов нет... Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен был бы столкнуться с этой наэлектризованной толпой: организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду...

После нескольких попыток связаться с Кутеповым Хабалов узнал, что его остановили на Кирочной улице и ему нужно подкрепление. Но посылаемые подкрепления, должно быть, растворялись по пути, не достигнув пункта назначения.

Отчет Кутепова дает более ясное представление о том, как продолжались уличные бои. Повернув свой отряд с Невского на Литейный, Кутепов встретил мятежников Вольнского полка, к которым присоединился Литовский гвардейский

полк. Солдаты Волынского полка, казалось, были в большой нерешительности, а один из унтер-офицеров от имени своих товарищей попросил Кутепова построить их и отвести обратно в казармы. Единственно чего боялись солдаты — это расстрела за мятеж. Кутепов обратился к мятежникам, уверив их, что те, кто присоединится к нему, расстреляны не будут. Мятежники обрадовались этому объявлению и подняли Кутепова на руках, чтобы его обещание могли слышать все.

На руках у солдат я увидел всю улицу, заполненную стоящими солдатами (главным образом Литовского и Волынского зап. полков), среди которых было несколько штатских, а также писарей Главного Штаба и солдат в артиллерийской форме. Я сказал громким голосом: «Те лица, которые сейчас толкают вас на преступление перед государем и родиной, делают это на пользу нашим врагам-немцам, с которыми мы воюем. Не будьте мерзавцами и предателями, а оставайтесь честными русскими солдатами.

Это обращение было не очень хорошо принято. Кое-кто из солдат крикнул: «Мы боимся, что нас расстреляют». Было также несколько выкриков: «Он врет, товарищи! Вас расстреляют!» Кутепову удалось повторить свое обещание, что никто из присоединившихся к нему расстрелян не будет. Но, очевидно, построить мятежников двух полков в дисциплинированные ряды оказалось невозможно, так как отряд Кутепова сразу попал под огонь, и мятежники бросились врассыпную. Время шло, кутеповские солдаты стали жаловаться на голод. Кутепов по дороге купил хлеба и колбасы, но хранил их на ужин. Тем временем стрельба усиливалась, росло число раненых в отряде Кутепова.

Кутепов занял особняк графа Мусина-Пушкина, в котором помещался Красный Крест Северного фронта, и устроил там импровизированный госпиталь. Он не оставлял попыток связаться с полицейским штабом — с градоначальством, — но Хабалов уже перешел в Адмиралтейство, не известив об этом Кутепова.

В боях Кутепов потерял много офицеров. Пока он безуспешно пытался дозвониться в штаб по телефону, толпа заполнила Литейный проспект. Темнело, демонстранты били уличные фонари.

Сумерки сменились полной тьмой, и отряд Кутепова почти прекратил организованное сопротивление, сам Кутепов понял это, выйдя из дома Мусина-Пушкина:

Когда я вышел на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криком тушила и

разбивала фонари. Среди криков я слышал свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью. Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом и, приказав закрыть двери, отдал распоряжение накормить людей заготовленными для них ситным хлебом и колбасой. Ни одна часть своим людям обеда не выслала³⁹.

Персонал Красного Креста попросил Кутепова вывести всех здоровых солдат из дома, чтобы сохранить его неприкосновенность как лазарета. Кутепову оставалось только повиноваться. Так закончилась единственная попытка петроградского военного начальства очистить часть центра столицы. Но волнение толпы тоже, видимо, слабело, и она стала расходиться. Победа революционеров была одержана неорганизованными и не управляемыми рабочими и солдатами, без всякого вмешательства революционных штабов.

Вот как видел эту описанную Кутеповым сцену Николай Суханов, проходивший по Литейному проспекту примерно в это время с большевиком Шляпниковым и еще одним товарищем:

Уже в сумерках мы вышли на Литейный, близ того места, где за несколько часов была стычка царских и революционных войск. Налево горел Окружной суд. У Сергиевской стояли пушки, обращенные дулами в неопределенные стороны. За ними стояли, на мой взгляд, в беспорядке, снарядные ящики. Тут же виднелось какое-то подобие баррикады. Но было кристально ясно для каждого прохожего: ни пушки, ни баррикады никого и ничего не защитят ни от малейшего нападения. Господь ведает, когда и зачем они сюда попали, но около них почти не было ни прислуги, ни защитников. Группы солдат, правда, находились около. Иные чем-то распоряжались, командовали, кричали на прохожих. Но никто их не слушал.

Суханов так передает свое впечатление:

Видя эту картину революции, можно было бы прийти в отчаяние. Но нельзя было забывать другой стороны дела: орудия, оказавшиеся в распоряжении революционного народа, были, правда, в его руках беспомощны и беззащитны от всякой организованной силы; но этой силы не было у царизма⁴⁰.

Суханов прав, говоря, что вечером 27 февраля не было ни организованного сопротивления со стороны правительства, ни организованного руководства со стороны

революционеров. Но Суханов, как и многие другие хроникеры этого времени, не указывает причин, почему организованных сил правительства не было. Многочисленные инциденты, имевшие место в этот день, указывают, что многие офицеры, командовавшие частями петроградского гарнизона, не были расположены к репрессивным мерам против демонстрантов, а солдаты, бывшие под их командой, испытывали какую-то тревогу. До известной степени эта тревога была оправдана, не столько по причине общей ожесточенности солдат против офицеров, сколько вследствие заметной тенденции демонстрантов хватать и убивать офицеров на улицах, избегая при этом вооруженных столкновений с солдатами. Раненых и убитых среди офицеров и унтер-офицеров было много, хотя большая часть офицеров находилась или дома по болезни, или обсуждала политическую ситуацию в офицерских собраниях. Хитрая пропаганда Думы достигла своей цели. Надвигающаяся перемена режима казалась такой неизбежной большинству офицеров, что они не хотели портить свою репутацию, оказавшись в критический момент на стороне побежденных. Хабалов понял, что многие из его офицеров хотят, чтобы он связался с представителями Думы и использовал авторитет оппозиции для восстановления порядка в гарнизоне. И хотя такие генералы, как Хабалов и Беляев, оставались верны присяге, их воля к сопротивлению была парализована боязнью встретить открытое сопротивление подчиненных, и им не удалось организовать даже те немногие части, которые, как например Самокатный батальон, были готовы повиноваться приказу.

Мятежников, то есть солдат, покинувших свои казармы, чтобы смешаться с толпой, согласно Суханову, было всего 25 000 человек из 160 000, считавшихся в гарнизоне. Но остающиеся «нейтральные» части были слабо оснащены и совсем не имели опыта подавления восстаний в большом городе. Как явствует из цитированных мемуаров, важной проблемой было питание солдат, патрулирующих улицы. Ничего не было сделано, чтобы установить рубежи, дальше которых не допускались бы ни толпа, ни демонстрации.

§ 5. Крушение.

Вечером 27-го почти все части, находившиеся в распоряжении Хабалова между Адмиралтейством и Зимним дворцом, отправились в казармы ужинать. Пробираясь по запруженным улицам и проталкиваясь между демонстрантами, солдатская масса растворялась в толпе, и те немногие, что дошли до казарм, были не в состоянии, да и не хотели возвращаться к Зимнему дворцу. Отряд Хабалова становился все меньше и

меньше. Характерно, что, прежде чем уйти, кое-кто из солдат просил офицеров простить их дезертирство, они говорили, что зла офицерам не желают, но должны подумать о собственной сохранности. С Хабаловым в Адмиралтействе оставалась зловеще тающая кучка их покинутых и опозоренных командиров.

Поздно ночью генерал Занкевич настоял перевести штаб из Адмиралтейства в Зимний дворец⁴¹. Солдаты разбрелись по огромному зданию, офицеры устроились на ночь. Именно тогда генерал Хабалов решил объявить в Петрограде осадное положение и напечатал коротко объявляющие об этом афиши. Это решение встретило полную поддержку со стороны князя Голицына, который хотел ввести в городе осадное положение, чтобы освободить правительство от всякой ответственности ответственность таким образом полностью перекладывалась на военные власти. Но так как в штабе не нашлось клея, афиши нельзя было расклеить, и Хабалов приказал разбросать их по улицам, где они были подхвачены ветром и затоптаны толпой в снег.

Были вещи и еще более жалкие: один из генералов, придя в Зимний дворец, попросил чашку чая. Ему было сказано, что дворцовое управление приказало не подавать чаю до восьми часов утра. По счастью, один из дворцовых слуг предложил генералу чашку чая, приготовленного в его частной квартире.

Но чаша унижений еще не переполнилась. Едва согрелись усталые солдаты, едва генералы уснули на кое-как устроенных постелях, как возникло новое затруднение. Великий князь Михаил провел вечер в Мариинском дворце, где происходило последнее, историческое заседание правительства и в последнюю минуту разрабатывался, при участии Родзянко, план спасения монархии. Теперь великий князь в раздражении вернулся в Зимний дворец, только что получив от брата мягкий выговор за непрошенное вмешательство. Он пытался уехать в свой загородный дворец, но, так как поезда не ходили, решил провести ночь в Зимнем, где застал поредевших защитников режима. Примерно в 3 часа ночи 28 февраля он вызвал генералов Хабалова и Беляева и попросил их вывести части из дворца, ибо он не хочет, чтобы войска обстреливали толпу из дома Романовых.

Поступок великого князя легко объясним. Он видел, как на последнем заседании Совета министров развалилось созданное его братом правительство. Его самоотверженное предложение взять всю ответственность на себя, чтобы разрешить кризис, встретило полное непонимание со стороны государя. Однако, будучи вторым в порядке престолонаследования, он стоял перед возможностью, быстро перешедшей в уверенность, что ему придется стать регентом при ребенке, его племяннике, или, возможно, самому занять нестойкий престол. Связывать свое имя с безрезультатными

репрессиями против населения Петрограда — значило отказаться от шанса разрешить проблему династии приемлемым образом.

Приказ очистить дворец среди ночи был окончательным ударом для генералов. Они перешли обратно в Адмиралтейство, где утром этого дня, 28 февраля, было принято решение прекратить все действия. Но даже тогда не было официальной сдачи «врагу». Хабалов, вероятно, не знал, кому сдаваться. Солдатам было приказано сдать оружие на сохранение должностным лицам морского министерства в здании Адмиралтейства и спокойно разойтись по казармам, а офицеры отправились по домам.

Поразительно, что пока во мраке ночи с 27 на 28 февраля в Зимнем дворце совершались все эти мрачные церемонии, улицы столицы были пустыни, и вполне можно было, как показывает случай Самокатного батальона, снабдить всем необходимым еще остававшиеся части. И не было сколько-нибудь значительной вооруженной охраны у того пункта, который стал штабом революции — т.е. у Таврического дворца. Более того, депутаты Думы, которые после сумбурного дня все еще оставались в здании, волновались, что как бы Хабалов не надумал промаршировать версту или чуть поболее от Зимнего дворца и арестовать их. Ходили слухи, что он что-то готовит, но тем не менее никто ничего не делал, да и не мог сделать, чтобы организовать вооруженную защиту временного Исполнительного Комитета Петроградского Совета, который уже самовольно влез в одно из крыльев Таврического дворца.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 10

¹ См. гл. 5. — Письмо Будаева опубликовано в: «Красная Летопись», VII, 1923, стр. 208 и далее.

² См. гл. 5. — Записка Департамента полиции опубликована в: Флеер, ук. соч. (см. прим. 21 к гл. 1), стр. 259 и далее.

³ См.: Флеер, ук. соч., стр. 327. — Несколько тенденциозное описание можно найти у Балабанова (М. Балабанов. От 1905 к 1917 году. Массовое рабочее движение. М.-Л., 1927, стр. 340 и далее).

⁴ См. статью В. Каюрова, опубликованную в: «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13).

⁵ См. гл. 2, § 2.

⁶ Карахан, как и другие члены группы, в августе 1917 года примкнул к большевикам, при советской власти подвизался главным образом на дипломатическом поприще. Во время чисток 1936–1938 гг. был обвинен в тайных сношениях с немцами и исчез без суда.

⁷ Балабанов, ук. соч., стр. 431.

⁸ «Новый Журнал», XXXIV–XXXV, Нью-Йорк, 1953.

⁹ Юренев вспоминает, что «уже к концу 1914 года «объединенка» [другое название «межрайонки»] стремилась к созданию специальной военной организации, и такая организация была фактически создана, правда, она была слаба, но имела широкие связи с солдатами». — И. Юренев. Борьба за единство партии. Петроград, 1917.

¹⁰ См.: В. Набоков. Временное правительство. АРР, I, стр. 9-96. — П.Н. Миллюков. Воспоминания (1859-1917). Нью-Йорк, 1955, т. 2, стр. 328. — G.M.Katkov. German Foreign Office Documents on Financial Support to the Bolsheviks in 1917. «International Affairs», vol. 32, No 2, Avril 1956, pp. 181-189. — Комментарии Керенского по поводу указанной статьи Каткова в сентябрьском номере «International Affairs», и там же — ответ Каткова.

¹¹ См. гл. 5, § 5.

¹² Следует заметить, что советские историки рабочего движения, писавшие в 20-е годы, тщательно избегали упоминаний о том, кем финансировались забастовки. Ни Балабанов, ни Флеер, и ни один другой автор, с которым мы имели возможность свериться, не проливают света на этот вопрос.

¹³ Шляпников («Накануне 1917 года», М., 1920, стр. 255) дает кое-какие сведения о существовании социал-демократических групп, которые не были связаны с петроградским комитетом или с Бюро Центрального Комитета. Он пишет: «Подобные группы социал-демократов, не имевшие постоянных связей с общегородской организацией, существовали в Питере в большом числе. Некоторые из таких кружков обособились и замкнулись из боязни провокаторов. Мне были известны две группы работников, долго не входивших в сеть петербургских организаций по причине недоверия к Черномазову [впоследствии разоблаченному полицейскому агенту]. Эти кружки все же вели работу, но вследствие их оторванности от местного центра она носила кустарный характер».

Для характеристики их работы Шляпников употребляет ленинский термин «кустарный», подразумевая, что она была сравнительно неэффективна, ибо ей недоставало научного марксистского метода и связи с другими организациями. Шляпников и не подозревал, что успех последних забастовок и демонстраций был заслугой именно таких кружков.

¹⁴ Н.Н. Суханов. Записки о революции. 7 томов. Берлин, 1922–1923. том I, стр. 30.

¹⁵ В. Зензинов. Февральские дни. «Новый Журнал», XXXIV–XXXV, Нью-Йорк, 1955.

¹⁶ С. Мстиславский-Масловский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин-Москва, 1922, стр. 12 (2-е изд.).

¹⁷ А.Г. Шляпников. Семнадцатый год. 4 тома, М., 1925-1931, т. 1, стр. 105.

¹⁸ С.П. Мельгунов. Мартовские дни 1917-го года. Париж, 1961. Мельгунов приводит аргументы, почему эта легенда неправдоподобна. Высказанная им уверенность недавно получила подтверждение в воспоминаниях советского писателя Виктора Шкловского, который сам лазал по чердакам в поисках «протопоповских пулеметов». Шкловский подтверждает, что

принимал участие во многих обысках, но ни одного пулемета ни разу не нашли. — В. Шкловский. Жили-были. «Знамя», август 1961, № 8, стр. 196.

¹⁹ «Падение...» (см. прим. 6 к гл. 3), т. 1, стр. 214.

²⁰ Е. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. М., 1927, стр. 79.

²¹ Владимир Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. Москва, 1930, стр. 72 и далее. — Очень может быть, что в действительности было больше, чем Бонч-Бруевич рассказывает в своих воспоминаниях, которые были опубликованы после того, как он перестал принимать активное участие в политической жизни. Эти воспоминания часто лишь отсылают к фактам, намекают на них, и с деталями не слишком церемонятся. Бонч-Бруевич придает большое значение этому, на вид случайному, свиданию с казаками. Сказав, что казачий полк пришлось убрать со Знаменской площади после инцидента, Бонч-Бруевич заключает: «Здесь мы имели дело не с христианским антимилитаризмом, а с открытыми революционными и политическими действиями воинских частей против старого режима, за народ и за братание с народом на улицах. В этот момент это было самым важным политическим действием». В то время, когда воспоминания были опубликованы, не мог последователь Маркса и большевик, каким был Бонч-Бруевич, утверждать, что такую важную политическую акцию спровоцировала его личная случайная встреча с религиозной группой. Но, зная, каким искушенным интриганом, каким хватким политическим манипулятором был Бонч-Бруевич, можно заключить, что его контакты с казаками были не такими уж случайными, как он говорит, что именно от него шла смутительная пропаганда, объектом которой зимой 1916-1917 года несомненно стали в Петрограде казаки. (О Бонч-Бруевиче и Распутине см.: гл. 8, § 7; о роли, которую он играл в опубликовании «Приказа № 1» см.: гл. 13, § 3).

²² В показаниях Муравьевской комиссии Хабалов упоминает об этих мерах, настаивая, что он пытался избежать обстрела толпы при разгоне демонстраций. См.: «Падение...», том I, стр. 187 и далее.

²³ Спиридович в своей посмертно изданной книге резко критикует эти инструкции. По его мнению, не военные должны были решать, стрелять или нет. Представленный на месте полицейский офицер был единственным лицом, компетентным в нужный момент обратиться к армии за вооруженной поддержкой. — Спиридович, ук. соч. (см. прим. 1 к гл. 6), т. 3, стр. 100.

²⁴ Суханов пишет (ук. соч. том I, стр. 53): «Примерно в 1 час пехота на Невском, как хорошо известно, усилила ружейный обстрел. Невский был покрыт телами ни в чем неповинных людей, не имевших никакого отношения к тому, что происходило. Слухи об этом (?) быстро распространились по всему городу. Население было терроризировано. Революционное движение на улицах центральной части города было ликвидировано. К пяти часам дня казалось, что царизм снова победил и что движение потерпит крушение».

²⁵ Мартынов, ук. соч., стр. 93.

²⁶ Очевидцем стрельбы на Знаменской площади был В.Л. Бурцев, описавший ее в интересной статье в «Биржевых Ведомостях». См. показания Бурцева в: «Падение...», т. I, стр. 291 и далее.

²⁷ Другой случай, когда погиб офицер Павловского полка, см. выше гл. 10, § 4.

²⁸ См. гл. 5, §6 и гл. 10, §2.

²⁹ Об отношениях между полицией и петроградским гарнизоном см.: А.Кондратьев. Воспоминания о подпольной работе в Петрограде петербургской организации РСДРП (б) в период 1914-1917 гг. «Красная Летопись», VII (1923), стр. 30–74.

³⁰ Иван Лукаш. Восстание Волынского полка, рассказ первого героя восстания, Тимофея Кирпичникова. Петроград, 1917.

³¹ В. Ленин. Сочинения. (2-е и 3-е изд.), том XIX, стр. 351. («Доклад о революции 1905 года»).

³² В.Б. Станкевич. Воспоминания 1914–1919. Берлин, 1920. В частности — стр. 66.

³³ «Надо сказать, что настроения офицеров, особенно Измайловского полка, не давали возможности положиться на то, что они будут действовать энергично: они высказывали мнение, что следует вступить в переговоры с Родзянко». — Показания Хабалова в Муравьевской комиссии. См.: «Падение...», том I, стр. 201.

³⁴ Мартынов, ук. соч., стр. 120–121 и далее.

³⁵ Инцидент с Самокатным батальоном полностью описан Мартыновым — «Царская армия в февральском перевороте», стр. 120. Он цитирует имевшиеся в его распоряжении документы.

³⁶ «Красная Летопись», VII (1923), стр. 68.

³⁷ Спиридович. Великая война... — Отрывок, о котором идет речь, содержится в 3 томе, на стр. 123. Там приводится письмо, написанное Спиридовичу одним из офицеров Волынского полка.

³⁸ Кутепов, на самом деле решительный, даже жестокий человек, впоследствии играл важную роль в Белом движении, командовал корпусом у генерала Врангеля, в 1920 году занимался эвакуацией белых из Крыма в Галлиполи, в эмиграции в Париже возглавлял ЮВС (Российский Обще-Воинский Союз). В январе 1930 года был похищен, как предполагают, советскими агентами, дальнейшая его судьба неизвестна. Эти сведения почерпнуты из воспоминаний, написанных в 1926 году и опубликованных в сборнике статей, посвященных Кутепову (ген. А.П. Кутепов. Первые дни революции в Петрограде. Отрывок из воспоминаний. — В: Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934); см. также показания ген. Хабалова в: «Падение...», т. I.

³⁹ Генерал Кутепов, стр. 165, 169.

⁴⁰ Суханов, ук. соч., том I, стр. 97.

⁴¹ Занкевич считал, что с моральной точки зрения предпочтительно «умереть, защищая дворец». См.: «Падение...», том I, стр. 202.